№ 9 АПР 1963
Газета №

г. Москва

НЕ ЛЮБИТ НИКОГО И ПРЕДАЕТ ВСЕХ

Несколько лет назад во время гастролей ленинградского балета в Париже там остался, предав советское искусство и свою страну, Р. Нуриев. Некоторое время он пользовался скандальной известностью, которая объяснялась его гнусной ролью перебежчика. Теперь, однако, все чаще можно прочесть в западной прессе признание, что Нуриев деградирует как танцовщик и дошел до крайней степени морального падения как человек.

Мы публикуем напечатанную 2 апреля в газете «Пари жур» статью Сержа Лифара, руководителя балета театра оперы («Гранд-Опера» в Париже. Статья помещена в «Пари жур» под заголовком: «Лифар: «Нуриев не любит никого и предает всех».

Это — хороший танцовщик. Этого нельзя отрицать; он гибок, молод, очень пропорционален (разве что ноги могли бы быть покороче), он мог бы быть младшим братом Сергея Головина. Его стиль, на мой взгляд, похож на стиль ученика, который только что закончил курс обучения, получив первую премию. Впрочем, премию Нижинского два года назад я сам вручил ему в Париже, когда он танцевал в Гранд-Опера вместе с ленинградским балетом. После своего поступления в труппу маркиза де Кеваса он сыграл роль волшебного принца в «Спящей красавице». Он был так же хорош, как Головин, но не лучше.

Он стал звездой в силу того, что он перебежчик. Но школа и его театр (речь идет о Ленинградском театре оперы и балета. — Ред.) позволили ему освоить лучшие принципы классического танца. С тех пор (т. е. с того времени, как он дезертировал. — Ред.) он всегда остается волшебным принцем из «Спящей красавицы» независимо от того, танцует ли он «Жизель» или «Лебединое озеро». Ни дух его, ни тело не прогрессируют. Он остановился на самых банальных движениях, которые обычно называют школярскими...

Когда г-н Ларран, директор балета маркиза де Кеваса, предложил поставить «Инара» с Нуриевым, я отказался.

Что касается его морального облика, то Нуриев человек неустойчивый, истеричный и тщеславный. Все его заявления, все его статьи и книга (написанная, впрочем, другими для него) создали ему ореол особой и таинственной личности, какой он в действительности не является.

Что он любит? Ничего. Он полон

самовлюбленности, заявляет, что покупает повсюду виллы и дома, тогда как для артиста достаточно располагать большой студией, классическими книгами и несколькими мастерами-хореографами (но не друзьями), которые могли бы его вести по пути настоящего искусства.

Его дебюты как хореографа оказались нулем, в них не было даже выдумки. Это было простое повторение словаря Петипа и его учителя Пушкина.

Его акт дезертирства ничем не оправдан, так как он ни беглец политический, ни артистический; просто-напросто это мальчишка, который восстал против дисциплины, необходимой во всякой области искусства. Эта дисциплина — работа, а не виски в пять часов утра.

Теперь он предает весь мир: он принял английское подданство и мечтает, возможно, стать лордом, что смешно для сибиряка. Затем он заявляет, что не любит ни Россию, ни Францию (которая его приняла, кстати), ни Англию, ни Америку. А что же, спрашивается, он любит?